

в поход Кир назначил Камбиса соправителем в Вавилоне (ср. Нег., I, 208), а в августе уже было известно о его гибели (в сентябре 530 г. Камбис принял полный титул отца) ⁹⁶.

Очевидно, приготовления Кира к переправе и сама переправа приходились как раз на период максимального поднятия воды в Аму-Дарье. Только этим, как нам кажется, можно более или менее согласовать данные письменных источников о локализации похода Кира с противоречащими им данными археологии и геологии.

И. В. Пьянко

⁹⁶ То, что Камбис принял полный титул отца уже в сентябре, свидетельствует один из вавилонских документов: J. N. Strassmaier, *Inschriften des Cambyses*, König von Babylon, Lpz., 1890, № 1. (Ссылкой на этот документ я обязан любезности М. А. Дандамаева).

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЭТНОНИМА ΦΘΕΙΡΟΦΑΓΟΙ

Попытка объяснить упоминаемое у писателей классической древности этническое название *φθειροφάγοι* и отнести его к определенному племени была предпринята в отечественной литературе более 15 лет тому назад Г. Ф. Турчаниновым ¹. Он толкует это греческое слово без каких бы то ни было оговорок как «вшееды» и относит его к одной из горских народностей Колхиды, а именно, как он пытается показать далее, — к предкам современных адыгов. При этом в первой части статьи Г. Ф. Турчанинов основывает свои заключения на дошедших до нас свидетельствах античных авторов, во второй части он привлекает материал из иберийско-кавказских языков. Не считая возможным высказываться по специальным вопросам, связанным с иберийско-кавказским языкознанием, мы не можем не обратить внимания на слишком одностороннее использование Г. Ф. Турчаниновым античных источников и не менее одностороннее толкование рассматриваемого греческого названия, которое при более тщательном изучении материала находит себе совершенно иное объяснение.

Первое в греческой литературе упоминание о фтирофагах встречается у Геродота (около 484—424 гг. до н.э.), который, рассказывая о племени будинов (*βουδῖνοι*), замечает, что они одни из местных племен *φθειροφάγοι* (IV, 109) ². Это многочисленное племя голубоглазых и рыжеволосых людей (IV, 108), являющихся исконными обитателями сплошь покрытой лесом территории (IV, 21 и 109), расположенной к востоку от реки Тапаида (Дона), между землями савроматов и фиссагетов (IV, 122—123) ³, возможно, в местах наибольшего сближения Дона с Волгой (там же, табл. IV).

Будины (или бодины) упоминаются также у Помпония Мелы (*De chorog.*, I, 116), Плиния Старшего (NH, IV, 12), Клавдия Птолемея (*Geog.*, III, 5, 10) и Стефана Византийского (*Ethnica*, s. v.), однако, в представлении упомянутых авторов они не тождест-

¹ Г. Ф. Турчанинов, *Φθειροφάγοι* писателей классической древности, «Иберийско-кавказское языковедение», т. I, Тбилиси, 1946, стр. 401—404.

² Буквально означает «фтироедствуют»; первая часть слова пока сознательно оставляется без перевода.

³ См. также Spruner — Menke, *Atlas antiquus*, Gothae, 1865, табл. I — *Orbis terrarum ad mentem Herodoti*.

венны фтирофагам, поскольку эти последние называются ими в качестве особого племени и локализуются на других территориях ⁴.

Вследствие отсутствия точных данных относительно местоположения геродотовских будинов-фтирофагов ученые локализуют их в совершенно различных местах и по-разному определяют их этническую принадлежность. Так, Томашек полностью отождествляет это племя с угро-финнами пермской группы ⁵, к волжским угро-финнам без колебаний относит их Кисслинг ⁶. Интересно отметить, что первый из названных ученых, говоря об упоминаемых у Птолемея (III, 5, 10) будинах (Βωδινοί) — племени, которое, по мнению большинства ученых, тождественно геродотовским будинам (Βορδίνοι), — считает их не угро-финнами, а славянами, усматривая в этнониме славянское «вода» и толкуя его в этом случае как Wasserleule (RE, III, 1899, стб. 592, s. v. Bodinoi). Разумеется, все подобного рода утверждения, как не имеющие опоры в дошедших до нас источниках, следует целиком оставить на совести их авторов.

Весьма странное впечатление производят те сведения о племени будинов, которые можно почерпнуть из комментариев к перепечатавшимся в ВДИ «Известиям древних писателей о Скифии и Кавказе». Так, первое упоминание будинов у Геродота (IV, 21) сопровождается примечанием, что это «название племени, живущего к северу от р. Камы и до р. Вятки ⁷»; из дальнейшего же повествования Геродота видно, что племя это помогало скифам в борьбе против персидского царя Дария (IV, 102; 119; 136), что персы достигли владений будинов (IV, 122) и даже вторглись в них (IV, 123), и поскольку редакторами перевода в этих случаях не сделано никаких оговорок, то, исходя из вышеприведенного пояснения о местоположении будинов, можно заключить, что персидское войско доходило до мест, расположенных «к северу от р. Камы»! Этот парадоксальный вывод показывает, насколько осторожно при отсутствии достаточных данных следует подходить к вопросам локализации и определения этнической принадлежности древних народов.

О собственно фтирофагах сообщают, кроме Геродота, также следующие античные писатели:

Страбон (около 66 г. до н. э. — 25 г. н. э.) называет их в числе племен, живущих на Причерноморском побережье Кавказа, в районе Питиунта — Диоскуриады (совр. Пицунды и мыса Искурья; XI, 2, 14 и 19); обитает это племя не на самом побережье, а несколько выше, в горных теснинах (στενά, XI, 2, 1). При перечислении племен Страбон ссылается на литературные источники, для нас в значительной мере утраченные, причем он не говорит, по каким соображениям он отдаст предпочтение одним из них (XI, 2, 14). Страбон нигде не делает ссылок на соответствующее место из Геродота, и вопрос о том, является ли это племя тождественным геродотовским будинам, остается в лучшем случае открытым.

На побережье в районе Диоскуриады помещает фтирофагов и римский автор середины I в. н. э. Помпоний Мела (De chorog., I, 110).

Плиний Старший (24—79 гг. н. э.) пишет о том, что племя, называвшееся у древнейших фтирофагами, имеет собственное название салтии (Saltiae, NH, VI, 14), и локализует их на этом же побережье чуть севернее Фасиды (совр. Поти).

Арриан, путешествие которого относится к 134 г. н. э., говорит (Peripl. P. Eux., 27) о скифском племени, жившем в районе Нитики (около совр. Гагры), полагая, что это то самое племя, о котором упоминает Геродот в IV, 109. При своем отождествлении Арриан упускает из виду (или, по крайней мере, ничего не говорит), что у Геродота племя это, носившее наименование будины, жило минимум в 600—700 км по прямой к северу — северо-востоку, причем ту и другую территорию разделяет такая преграда,

⁴ Вопрос о соотношении того и другого этнонима выходит за пределы настоящей статьи и поэтому более подробно в ней не рассматривается.

⁵ RE, III, 1899, стб. 989 слл., s. v. Budinoi.

⁶ Там же, VII, 1912, стб. 1014 слл., s. v. Geloni.

⁷ ВДИ, 1947, № 2, стр. 263.

как Кавказский хребет, вследствие чего идентичность обоих племен никак нельзя считать доказанной.

Если все перечисленные авторы (кроме первого по времени — Геродота) помещают фтирофагов на Черноморском побережье Кавказа, то Клавдий Птолемей (II в. н. э.) сообщает (Geog., V, 8, 17), что племя с подобным названием живет к востоку от реки Ра (Волги); кроме того, у него, как было сказано, упоминаются (III, 5, 10) — в качестве особого, отличающегося от фтирофагов племени — также и бодины, живущие где-то у реки Танаида (Дона), что делает вполне вероятным их отождествление с геродотовскими будинами. Известно Птолемеем и племя салы (Σάλαι, III, 5, 10), которое обитает где-то на побережье океана, у Венедского (Рижского или Гданьского) залива⁸ и, очевидно, не идентично плинневым салтиям.

Фтирофаги упоминаются также в произведении неизвестного автора, так называемом Псевдо-Арриановом «Перипле», § 56, и в § 689 комментария к стихотворному «Землеописанию» Дионисия Периегета, составленного митрополитом фессалоникским Евстафием (вторая половина XII в.), но свидетельства эти не имеют ценности, так как заимствованы: первое из Арриана (Peripl. P. Eux., 27), второе из Страбона (XI, 2, 19).

Таким образом, Страбон, Мела, Плиний и Арриан (промежуток времени между первым и последним составляет более ста лет) согласно локализуют племя фтирофагов на Черноморском побережье Кавказа, на участке между Фасидой и Нитикой, протяженностью около 200 км; Страбон добавляет, что живут они не на самом побережье, а выше, «в теснинах»; Плиний приводит их собственное наименование (Saltiae); наконец, Арриан указывает на их этническую принадлежность (скифы), хотя к этому его свидетельству, — единственному в античной литературе, — следует отнестись с некоторой осторожностью, так как он вообще допускает неточность в обращении с используемым им источником — Геродотом. Наиболее ранние (Геродот) и наиболее поздние (Клавдий Птолемей) авторы помещают фтирофагов на территориях, прилегающих к Дону и Волге, которые не разделены непроходимыми преградами: поэтому не является невероятной идентичность племен, упоминаемых у того и другого автора, хотя приводившийся выше обзор свидетельств и не дает права безоговорочно отождествлять их. Относительно этнической принадлежности северных фтирофагов данных нет, у Геродота приводится лишь описание их физического типа; во всяком случае, они едва ли родственны фтирофагам Кавказского побережья — как вследствие значительной территориальной удаленности, так еще более и вследствие разделяющих их естественных преград. Что касается высказанного Г. Ф. Турчаниновым предположения о том, будто кавказские фтирофаги являются предками современных адыгов, то подобное заключение основано всецело на столь шатком аргументе, как некоторые этимологические сближения из области иберийско-кавказских языков, не подкрепляемые никакими другими данными.

Предположения о «чисто фонетическом» происхождении этнонима *φθιροφάγος* высказывались и другими авторами; по их мнению, фтирофаги «названы так, вероятнее всего, по фонетическому сходству их имени с этим греческим словом»⁹. Правда, весьма широко распространенное явление «народной этимологии» не исключает подобной возможности, но в данном случае это сомнительно потому, что мы имеем дело по меньшей мере с двумя различными народами или группами племен (у Геродота и Птолемея — и у прочих авторов), и совершенно невероятно, чтобы оба их самоназвания, прозвища или какие-либо другие слова из местных языков были акустически близки одному и тому же греческому слову, хотя бы в первой его части; если же предположить, что у всех авторов речь идет об одном и том же племени, то, наоборот, при допущении «чисто фонетического» происхождения этнонима необъяснимы различия в звучании второй его части (*φάγος* — с одной стороны, — *τραγέουσι*, — *τροχτέοντας* — с другой), и таким образом, едва ли имеют под собой достаточные основания утверждения вроде

⁸ Spruner — Menke, Atlas antiquus, табл. XXII.

⁹ ВДИ, 1947, № 4, стр. 209 (прим. 8 редакторов к соответствующему месту Страбона).

того, что «оригинальное название (фтирофагов) не вызывает сомнений», как это сказано в статье Г. Ф. Турчанинова. Вместе с тем, предположение о народно-этимологическом происхождении этнонима не может не наводить на мысль о том, что, возможно, рассказы о фтирофагах вообще лишены реальных оснований и представляют собой своего рода бродячую легенду древних. Действительно, некоторые места в сочинениях античных авторов дают кое-какие основания для подобного рода предположений. Так, Плиний свидетельствует, что у наиболее древних авторов племя это называлось фтирофагами, но в его время известно под именем салтиев, причем он не объясняет современный ему этноним и ничего не говорит о причинах перемены названия (NH, VI, 14); Арриан же, совершивший свое путешествие более чем на полвека позднее, вновь говорит о фтирофагах, не упомянув никакого иного названия племени; при этом он, как уже было сказано, делает совершенно неверную ссылку на Геродота относительно местоположения фтирофагов, сопровождая ее пояснением, что молва (δόξα) о них, как о «фтироедствующих» (φθειροτρωκτέοντες), держится до его времени, из чего видно, что Арриан не имел возможности наблюдать сам особенности их быта и довольствовался какими-то слухами о них. Разумеется, подобного рода неувязки в сообщениях древних авторов не дают еще оснований для полной уверенности в легендарном характере античных известий о фтирофагах, однако нельзя вместе с тем и целиком исключить подобное допущение.

Другой стороной вопроса о фтирофагах является толкование этого греческого названия, а именно, первой его части, поскольку вторая не вызывает сомнений и во всех случаях образована от глаголов со значением «есть», «питаться»¹⁰.

Один из наиболее авторитетных современных древнегреческих словарей¹¹ дает следующие четыре значения слова φθειρ: 1) вошь; 2) вид морской рыбы¹²; 3) шишки одного из видов сосны или ели; 4) средняя часть весла.

Таким образом, с точки зрения этимологической название φθειροφάγοι можно с одинаковым правом истолковать и как «вшееды», и как «рыбоеды», и как «шишкоеды», и даже как «веслоеды», и поэтому при выборе толкования приходится руководствоваться соображениями реального порядка. При таком подходе сразу же отпадает последнее из приведенных объяснений как явно нелепое; из остальных наиболее приемлемым было бы «рыбоеды», однако, поскольку согласно Геродоту и Птолемию племена эти живут далеко от моря (а φθειρ назывался вид именно морской рыбы), кавказские же фтирофаги, как видно из Страбона (XI, 2, 1), обитают не на самом побережье, а поодаль, «в теснинах», и, следовательно, едва ли могли заниматься рыбной ловлей в море в сколько-нибудь значительных масштабах, названное толкование точно так же отпадает, тем более, что рыба является вообще весьма широко распространенным продуктом питания и употребление ее в пищу едва ли могло бы дать повод для закрепления именно за тем, а не иным племенем рассматриваемого прозвища.

Весьма сомнительным с реальной точки зрения является и традиционное толкование названия «фтирофаги», единственным основанием которому служит попытка Страбона как-то объяснить этот этноним. При этом греческий географ не обосновывает, по каким причинам он наделяет столь пренебрежительным (в его толковании) наименованием именно одно определенное племя, в то время как в бытовом отношении все про-

¹⁰ По большей части это nomen agentis от глагола φαγεῖν (inf. aor. II κ' ἐσθίω), у Геродота — личная форма от глагола τρώγειν (inf. aor. II от τρώγω), у Арриана — причастная форма от позднего глагола τρωκτέω.

¹¹ H. G. Liddell and R. Scott, Greek — English Lexicon, I—II, Oxf., 1940.

¹² Сказать сколько-нибудь определенно, какой именно вид рыб имеется в виду, не представляется возможным. У Гесихия φθειρ определяется просто как ἰχθύς τις; по мнению современных ихтиологов, это вид рыбы-прилипалы (Echeneis remora L. или Echeneis naucrates L.). Есть также мнение, что это вообще не рыба, а какое-то мелкое ракообразное — подробнее см. A. Thompson, Glossary of Greek Fishes, L., 1957, под словами φθειρ и ἐχυνήϊς.

живающие в тех краях племена находились, с точки зрения представителя греческой цивилизации, примерно на одинаковом уровне. Поскольку, таким образом, толкование Страбоном этого этнонима не отражает свидетельства современника о каком-то наблюдавшемся им факте и является всего-навсего лишь домыслом этимологического порядка (что столь часто встречается у древних писателей и во многих случаях, в свете данных современной нам науки, совершенно фантастично), объяснение его ни в коей мере не может быть для нас авторитетным. Кроме Страбона, никто, собственно, не высказывал своего мнения по поводу значения названного этнонима. Не представляет исключения и Арриан, говорящий (*Peripl. P. Eux.*, 27), что люди эти *φθιροτρόφους* εἶναι (буквально «являются фтироедствующими»), поскольку и здесь первую часть слова можно толковать по-разному; если даже предположить, что и тут автор склоняется к традиционному толкованию, то большого значения это не имеет, так как, ссылаясь на «молву», он показывает тем самым, как мы уже заметили выше, что он не располагает достоверными источниками о фтирофагах и тем более не наблюдал сам особенностей их быта. Ссылка же на Геродота может не столько убедить, сколько разубедить в правильности традиционного толкования слова, поскольку для этого толкования Геродот не только не дает никаких оснований, но и, скорее всего, свидетельствует против него.

Дело в том, что Геродот (IV, 109), сравнивая два рядом живущих народа — будинов и гелонов, — говорит о последних, что они занимаются земледелием и питаются хлебом, в то время как первые являются кочевым народом и питаются тем, что называется по-гречески *φθίρ*; из этих слов видно, что *φθίρ* в рационе будинов в смысле общности и важности как продукт питания сопоставляется с хлебом в рационе их соседей, а это было бы невозможно, если бы в одном из случаев речь шла о насекомых¹³. Наоборот, продуктом, который в рационе кочевников соответствует хлебу их оседлых соседей-земледельцев, могут быть скорее всего какие-либо дикие, не требующие ухода плоды, произрастающие в данной местности. В вопросе о том, какие же именно плоды имеются в виду (речь идет о шишкообразных плодах), большинство ученых склоняется к мнению, что это были шишки какого-то вида сосны¹⁴, находя своему предположению подтверждение в названии города Питиунта (от *πίτυς* — сосна), вблизи которого жили кавказские фтирофаги. Такое объяснение вполне приемлемо и с реальной точки зрения, так как семена сосновых шишек съедобны и в указанных местах встречается сосна, не образующая, правда, больших лесных массивов¹⁵.

¹³ На неправомерность подобного сопоставления обратил внимание еще Штейн в примечании к соответствующему месту своего издания Геродота (*Herodotos erklärt von H. S t e i n*, I — V, В. 1877—1883). В русских переводах тех мест из древних авторов, где упоминаются фтирофаги (все эти свидетельства собраны в издании В. В. Латышева «*Scythica et Caucasica*»), наименование это толкуется то как «вшееды», то как «шишкоеды»; в первом случае переводчики следуют традиционному толкованию, восходящему к Страбону (XI, 2, 19) или, скорее, к Арриану (27), во втором основываются, вероятнее всего, не только на упомянутом комментарии Штейна (см., например, ВДИ 1947, № 4, стр. 209, прим. 8; 1949, № 2, стр. 290, прим. 3).

¹⁴ В сочинениях древних авторов упоминается *φθιροφόρος πίτυς* и *πίτυς φθιροπόρος* — «сосна шишконосящая»; в лексиконе Фотия (IX в.) слово *φθίρ* определяется как «плод сосны» (*ὁ τῆς πίτυος καρπός*).

¹⁵ Это — по современной номенклатуре — *Pinus pithusa* Stev. (сосна пицундская), произрастающая в Западном Закавказье от Пицунды до Анапы, до высоты 200—300 м над уровнем моря; выше указанного предела встречается другой вид сосны — *Pinus hamata* D. Sosn. Что касается вида *Pinus pinea* L. (пиния, итальянская сосна), то граница ее распространения проходит значительно южнее интересующих нас мест, и поэтому нельзя признать обоснованным мнение некоторых комментаторов, полагающих, что фтирофаги употребляли семена шишек именно этого вида сосны, хотя они, без сомнения, наиболее подходят для употребления в пищу по своим размерам, значительно превосходящим размеры семян других упомянутых видов сосны.

Следует заметить, что, несмотря на принятое в словарях толкование слова φθείρ в значении «пишка» как «пишка сосновая или еловая», такое объяснение не является единственно возможным, и под этим словом могут подразумеваться также и другие пишкообразные плоды¹⁶. Штейн в своем примечании к Геродоту (IV, 109) высказал мнение, что эта была не обычная сосна, а дерево какого-то особого вида. Дело в том, что, хотя семена сосновых пишек пригодны в пищу, их не столь легко добыть в нужном для питания количестве, особенно при отсутствии значительных лесных массивов, как на западном побережье Кавказа; тем более трудно предполагать наличие сосновых пишек в тех местах, где локализуют фтирофагов Геродот и Птолемей, так как, несмотря на двукратное свидетельство Геродота о том, что территории эти были покрыты тогда разнообразными лесами, сосны здесь в соответствии с данными современной науки было очень немного. С другой стороны, как в том, так и в другом районе не было недостатка в иных съедобных пишкообразных плодах. Для территории, занимаемой геродотовскими будинами, это могли быть, например, дубовые желуди и орехи лещины, на Кавказе — желуди, буковые орешки, каштаны, грецкие орехи, мушмула и другие. Последний из названных плодов представляет интерес не только с реальной точки зрения, но и по тому названию, которое он носит в кабардинском языке — «къуыщхъомышх», буквально «не едомое горцами (осетинами или балкарцами)»¹⁷; отсюда нельзя, разумеется, делать какие-либо слишком прямолинейные выводы относительно того или иного толкования слова φθείρ, но этот пример показывает, что на Кавказе до сих пор бытует название плодов, отражающее употребление (или неупотребление) их в пищу тем или иным народом, и это лишний раз подчеркивает возможность аналогичного объяснения древнего этнонима, тем более, что у того же Геродота встречается такое образование как «желудееды» (βελανηφάγοι, I, 66). Любопытно также, что в старину среди некоторых кавказских племен существовал обычай взимать дань пишками¹⁸ — факт, еще раз свидетельствующий о какой-то особой ценности для местных жителей этого вида плодов.

Такой крупнейший специалист в области классической филологии, как недавно скончавшийся член-корреспондент АН СССР С. И. Соболевский, которого автор настоящей статьи ознакомил в свое время с ее содержанием, точно так же считал толкование этнонима «фтирофаги» как «вшееды» совершенно неправдоподобным и склонялся к толкованию «пишкоеды», признавая при этом необходимым подвергнуть специальному рассмотрению вопрос о том, плоды какого именно вида растений имелись в данном случае в виду¹⁹.

Таким образом, рассмотрение всей совокупности античных свидетельств о фтирофагах с привлечением некоторых других доступных нам материалов, равно как и все соображения реального характера, заставляют нас решительно разойтись с Г. Ф. Турсоображения реального характера, заставляют нас решительно разойтись с Г. Ф. Тур-чапиновым в вопросе о толковании этого греческого этнонима и высказать утверждение, что в данном случае²⁰ речь идет о племенах, употреблявших в пищу один из видов

Всеми справками из области ботаники автор обязан доценту биолого-почвенного факультета МГУ В. Н. Вехову. В транскрипции наименования *Pinus pithyusa* мы следовали руководствам по ботанике, хотя в соответствующем греческом слове пишется не θ, а τ.

¹⁶ Необходимо вообще сказать, что древние греки не употребляли это наименование пишки в строго терминологическом значении, как принято в современной нам ботанике.

¹⁷ Настоящей справкой мы обязаны научному сотруднику Ин-та языкознания АН СССР А. К. Шагирову.

¹⁸ Сообщено автору известным кавказоведом проф. Е. А. Бокаревым на основании существующего на Кавказе устного предания.

¹⁹ Вместе с тем С. И. Соболевский допускал, что все рассказы о фтирофагах представляют собой легенду, пущенную в ход Геродотом.

²⁰ Если, конечно, мы отвергаем допущение о легендарном характере рассказов о фтирофагах.

пишкообразных плодов. Что касается того, были ли это действительно семена сосновых шишек или другие, более подходящие для употребления в пищу плоды, то тут мы не отваживаемся высказывать какие-либо категорические утверждения, поскольку вопрос этот выходит за пределы филологической науки и окончательное решение его следует предоставить специалистам в области ботаники и знатокам быта местных народов. Точно так же нельзя признать убедительным и предположение Г. Ф. Турчанинова относительно этнической принадлежности фтирофагов вследствие того, что хотя мы и можем брать под сомнение свидетельство Арриана, относящего их к скифам, тем не менее сохранившиеся античные источники не дают никаких оснований считать это древнее племя предками современных адыгов.

В. Ф. Беляев

ПРОКСЕНИЧЕСКИЙ ДЕКРЕТ ИЗ АНАПЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БОСПОРА

В фондах краеведческого музея в Анапе хранятся два обломка мраморной плиты с греческой надписью. В инвентарной книге музея под № 745 записано, что обломки эти были подобраны на глубине 1,2 м рабочими при строительстве санатория Водздрова «Голубая волна» и 1 июля 1953 г. переданы в музей. Толщина плиты — 4,25 см. Лицевая сторона плиты тщательно сглажена, но покрыта известковым налетом, который не удалось полностью удалить. Обратная сторона не обработана. Обломок *a* сохранил верхнюю грань, обломок *b* — нижнюю. Высота обоих обломков одинакова — 12,5 см. Общая высота плиты была 25—26 см. Максимальная ширина обломка *a* — 15,5 см, обломка *b* — 17 см. Принимая предложенные ниже дополнения утраченных частей строк, следует предположить, что ширина плиты была примерно 39—40 см. На нижней грани обломка *b* — насечки. Необработанная обратная сторона и насечки на грани свидетельствуют, что плита с надписью была когда-то вделана в покрытую обмазкой стену.

Оба обломка сохранили обрывки одиннадцати строк; начала и концы их утрачены, кроме последней 11-й строки, конец которой сохранился. Высота букв 1—1,4 см. Следов врезанных линеек не заметно.

Перед нами фрагментированный текст декрета о даровании проксении: об этом свидетельствует прежде всего ряд таких обычных для проксенических декретов выражений, как ἔδωκαν, ἐξαγωγῆν, εἴσπλουν, [κα]ὶ πολέμου καὶ εἰρή[νης/ἀσυλ]εὶ καὶ ἀσπονδεί.

Предлагаемая здесь попытка восстановления утраченных частей текста основана на этом понимании общего содержания надписи.

1. — — —] υκος Εὐμήλο [καὶ — — —
— — —] ῥάτῃ Χαίριππ [ο — — —
— — — —] ἔδωκαν αὐ[τῶι καὶ ἐκγόνοις
καὶ π]ῆσι τοῖς τοῦ[του προξενίαν, ἀτέ —
5. λειαν], γῆς καὶ οἰκίας ἐ]γκτησιν, ὅσα
ὕπ[α]ρχει καὶ ὧν οἱ ἄλ[λοι] προξενοὶ
κατὰ γῆν] καὶ κατὰ θάλαττ[αν μετέχουσιν,
καὶ εἰσαγωγῆν] καὶ ἐξαγωγῆν [πάντων
χρημάτ]ων καὶ εἴσπλουν [καὶ ἐκ —
10. πλουν κα]ὶ πολέμου καὶ εἰρή[νης
ἀσνλ]εὶ καὶ ἀσπονδεί.